

Е.А. ДОЛГОВА

ВЛАСТЬ, ЦЕКУБУ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ 1920-Х ГГ.: ПОЗИЦИИ, СТАТУСЫ, ДЕКОРАЦИИ*

Евгения Андреевна Долгова,

Российский государственный гуманитарный университет,
Центр междисциплинарных гуманитарных исследований,
заместитель руководителя
Миусская пл., д. 6, к. 3, Москва, 125047, Россия

кандидат исторических наук, доцент
E-mail: dolgova-evg@rambler.ru

Реферат. В статье исследуется проблема взаимодействия власти и творческой интеллигенции в 1920-е годы. Проанализированы делопроизводственная документация Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) о делении творческих работников на разряды, о выдаче пайков и пособий, материалы о социально-бытовых учреждениях — Домах престарелых ученых Москвы и Ленинграда (Петрограда), санатория «Узкое». Ставится и решается задача исследовать примеры взаимодействия (а не конфликта) власти и интеллигенции, особенности их взаимного позиционирования. Автор приходит к выводу о том, что взаимоотношения власти и творческой интеллигенции первого постреволюционного десятилетия не могут быть однозначно определены в ракурсе «победители-побежденные»: необходимость сотрудничества диктовала определенные компромиссы, на которые шли обе стороны. Пример подобных компромиссов дает работа ЦЕКУБУ, вмешательство партийных

и советских органов в которую до 1929 г. было минимальным. Отмечается, что позиции ЦЕКУБУ не были слабыми: пользуясь системой клиент-патронских отношений с властью, ей удавалось сохранять «осколки» старого, уходящего уклада жизни, защищая и протезируя тех, кто в силу социального происхождения, политической позиции до 1917 г. и дальнейшей жизненной стратегии не был близок новому политическому режиму. Причины автор выявляет в сохранении и функционировании системы корпоративных связей, сложившейся еще до 1917 г.: она не могла быть разрушена в короткий срок и реализовывала себя через работу в экспертных комиссиях ЦЕКУБУ лиц, с дореволюционного времени знакомых с принципами ее функционирования и расстановкой сил; через систему поручительства и патронажа; через утверждение новой властью списков и решений ЦЕКУБУ. Она формировала специфику положения узкого круга интеллигенции и особенности его позиционирования по отношению к власти. Включение в этот круг определялось не политической позицией и лояльностью режиму, а личной известностью (научной репутацией) представителей творческой интеллигенции, их корпоративными связями и, возможно, принадлежностью к определенным творческим объединениям и институциям.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 17-78-10202.

Ключевые слова: творческая интеллигенция, научные работники, власть, ЦЕКУБУ, ранжирование, патрон-клиентские отношения, корпорация, социальный статус, привилегии, пайки, разряды, Москва, Петроград.

Для цитирования: Долгова Е.А. Власть, ЦЕКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг.: позиции, статусы, декорации // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 1. С. 119–127. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-1-119-127.

Одним из интересных сюжетов в истории отечественной культуры XX в. является проблема отношений власти и творческой интеллигенции в первое постреволюционное десятилетие. Традиционно историография затрагивает сюжеты от освещения трагических картин жизни деятелей культуры до исследования практики их вживания в предлагаемые политические обстоятельства, причем под последними в основном понимается принятие или неприятие ими победившей политической идеологии марксизма. Крайне редко при этом ставится исследовательская задача проанализировать примеры не конфликта, а взаимодействия власти и интеллигенции, особенностей и характеристик их взаимного позиционирования.

Творческая интеллигенция оказалась в поле зрения власти не сразу, что соотносилось с тенденцией военных предреволюционных лет: исключительного внимания требовали мобилизационные, в первую очередь — наукоемкие проекты. В первые постреволюционные годы в условиях экономических трудностей, гражданского противостояния и политики «военного коммунизма» внимание власти так же привлекали прежде всего научные работники. Их социально-экономическим обеспечением занималась Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при СНК РСФСР. Созданная в Петрограде по инициативе А.М. Пешкова (Максима Горького), она вплоть до реорганизации в Комиссию содействия ученым (КСУ) в 1931 г. занималась учетом и регистрацией работников науки; оказанием им продовольственной и финансовой помощи; организацией жилищных кооперативов, домов престарелых и домов отдыха; культурно-просветительной работой среди ученых; содействием в получении ими отечественной и зарубежной литературы [1]. В работе ЦЕКУБУ участвовали государственные и общественные деятели, видные ученые: А.Б. Халатов, М.Н. Покровский, Н.А. Семашко, О.Ю. Шмидт и др.

Несмотря на то, что деятельность Комиссии была направлена прежде всего на поддержку на-

учных работников, денежные пособия и социальную заботу по линии ЦЕКУБУ получали также работники культуры — литераторы, музыканты, художники, архитекторы, а также их родственники. Однако признание творческой интеллигенции достойной социально-экономических привилегий (наряду с научными работниками) произошло не сразу.

«АРТИСТЫ» В СИСТЕМЕ ПАЙКОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕКУБУ

Постановление Совета Комиссаров Союза коммун Северной области о предоставлении 100 петроградским ученым т. н. «красноармейского пайка» было издано 19 февраля 1919 года. Выбрать в это голодное время кандидатуры для получения дополнительного довольствия предлагалось «совещанию ученых деятелей всех отраслей» — «ученой корпорации» [2, с. 339] под руководством президента Российской Академии наук А.П. Карпинского. В числе обладателей ста «красноармейских пайков» не оказалось имен представителей творческой интеллигенции: пайки были распределены между учеными и административными руководителями [3, л. 77 — 81 об.]. Однако уже 23 декабря 1919 г. был принят декрет СНК об улучшении положения научных специалистов, предполагавший в качестве одной из первоочередных задач поднятие производительности не только народного хозяйства, но и культуры. В результате принятия декрета список получающих паек оказался расширен до 500 фамилий научных работников [2, с. 340]. С мая 1920 г. число пайков было увеличено до 2 000 [2, с. 341]. К этому же времени относится первый обнаруженный нами список работников искусства (художников) и профессоров московских высших государственных художественно-технических мастерских, получающих академический паек [4]. Он был составлен в Москве, конкуренция в условиях квотирования пайков была слишком высока.

Началу изменения ситуации предшествовал ряд событий: письма Н.Я. Марра и Г.В. Вернадского о бедственном положении ученых, скандальный визит английского фантаста Г. Уэллса в Дом ученых в Петрограде¹, декларируемый отъезд нобелевско-

¹ Так, в своих воспоминаниях Ю.П. Анненков писал, что на встрече в Доме искусств Г. Уэллсу, посетившему Петроград осенью 1920 г., пришлось выслушать почти истерическое выступление писателя А.В. Амфитеатрова: «Вы не можете подумать, что многие из нас, и может быть более достойные, не пришли сюда пожать вашу руку за неимением приличного пиджака и что ни один из здесь присутствующих не решится расстегнуть

го лауреата И.П. Павлова за границу и принятый вследствие этого декрет СНК «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И.П. Павлова и его сотрудников» от 24 января 1921 года, наконец, смерть Н.Е. Жуковского 17 марта 1921 года. Интересно, что именно положение семьи одного из деятелей культуры стало одним из «спусковых крючков» изменений: 26 августа 1921 г. было принято постановление СНК о выдаче семье покойного композитора А.Н. Скрябина ввиду болезни его жены и дочери 3 млн руб. с поручением выработать проект постановления о порядке обеспечения пособиями семей деятелей науки и искусства [5]. Декрет СНК «Об улучшении быта ученых», согласно которому «число научных работников, подлежащих дополнительному академическому обеспечению, увеличилось до 7 000 человек», был издан 6 декабря 1921 года. К концу 1922 г. общее число академических пайков достигло 15 594 [2, с. 345].

Именно 1921–1922 гг. датируется основной объем делопроизводственной документации об обеспечении «работников культуры» как в Москве, так и в Петрограде. В фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) сохранилась переписка о выдаче академических пайков «художникам-живописцам» и литераторам (январь — июль 1921 г.), протоколы заседания Художественной секции пайковой комиссии КУБУ (июнь 1920 г., февраль — октябрь 1922 г.), прошения деятелей искусства о выдаче продовольственного пайка (1921–1922 гг.), связки автобиографий, отзывов и ходатайств художников и музыкальных работников (1922), ведомости выдачи пособий деятелям искусства (апрель — декабрь 1922 г.), анкеты и автобиографии в алфавитном порядке (1922–1923 годов). В фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) в Москве отложились анкеты и ходатайства работников искусства о получении пайков (январь — декабрь 1921 г., апрель — июнь 1922 г.); списки работников искусства, поделенные на категории для получения особого дополнительного академического пайка (1922); переписка с распределителями ЦЕКУБУ о выдаче пайков в том числе деятелям искусства (октябрь — декабрь 1922 г.); наконец, инструкции ЦЕКУБУ о порядке исходатайствования работникам науки и искусства, а в случае их смерти — семьям денежного социального обеспечения и снабжения из фонда академических пайков и усиленной пенсии и единовременного пособия.

С этого времени, по воспоминаниям композитора и музыкального критика Л.Л. Сабанеева,

перед вами свой жилет, так как под ним нет ничего, кроме грязного рванья, которое когда-то называлось, если я не ошибаюсь, “бельем”...» [6, с. 31].

«...к голодающим и вымирающим ученым присоединены были и художники, артисты и музыканты, которые и голодали и вымирали в несравненно меньшей пропорции. Все были поделены на “категории”: в высшую, пятую, попали “лица с мировым именем”. Среди них числились Собинов, Шаляпин — хотя они вовсе не голодали, а из ученых физик Лазарев, Отто Юльевич Шмидт, академик Ферсман и другие. Наши композиторы тоже были распределены: в пятую категорию попал Глазунов, я же должен был удовольствоваться четвертой. И действительно, “мирового имени” у меня не было. К тому же было и неловко: я был членом комиссии, распределявшей ученых по категориям в области “художественной”, председателем же музыкальной комиссии был наш музыкальный министр Борис Красин — брат наркома, очень милый и обязательный человек, вовсе не коммунист и человек не очень далекий» (1922) [7]. Разумеется, распределение благ между категориями (квалификационными разрядами) было различным. Так, наиболее показательна была разница по денежному обеспечению: например, за 1922 г. в Петрограде «одному лицу» I-го разряда было выдано 28 500 денежных знаков, II-го — 42 750 денежных знаков, III-го — 71 250 денежных знаков, IV-го — 127 500 денежных знаков, V-го — 171 250 денежных знаков [8, с. 9].

Несколько саркастический тон воспоминаний Л.Л. Сабанеева оправдан. Во-первых, остро стоял вопрос о критериях отнесения к тому или иному разряду. Вклад и потенциал научных работников казалось возможным измерить наукометрически через подсчет количества публикаций, что представлялось не вполне применимым для оценки труда творческих работников: подсчет числа художественных произведений в этом случае не работал. Во-вторых, квоты для деятелей культуры действительно были весьма ограничены. Их было настолько мало, что некоторые представители творческой интеллигенции проводились по квалификации «научных работников». Так, в высшем V разряде в Ленинграде в 1925 г. числился по квалификации «история искусства» график, театральный художник, основатель и главный идеолог направления «Мир искусства» А.Н. Бенуа, а по собственно «творческой» квоте проходил лишь композитор, дирижер А.К. Глазунов [9, л. 243]. В IV разряде среди 145 имен оказались «поэтесса» А.А. Ахматова (переведена из третьего разряда в 1925 г.); оперный певец («артист») И.В. Ершов [9, л. 244 об.]; «дирижер» Э.А. Купер [9, л. 245]; архитекторы Л.Н. Бенуа (в квалификации «композиция и строительство») [9, л. 244], В.А. Шуко, И.А. Фомин [9, л. 246 об.]; «художники» Б.М. Кустодиев [9, л. 245] и А.П. Остроумова-Лебедева [9, л. 245 об.]; реставратор Н.П. Сычев (в категории «древнерусское искусство») [9, л. 246 об.]; художник и декоратор Э.К. Липгарт (в категории

«историк искусства») [9, л. 245 об.]; «писатели» Ф.К. Сологуб и И.И. Ясинский [9, л. 247].

В сравнении с Петроградом (Ленинградом) обращает на себя внимание относительная «широта» квот для Москвы. В 1923 г. в V разряде состояли: театральный режиссер К.С. Алексеев (Станиславский), оперный певец Ф.И. Шаляпин, актриса М.Н. Ермолова, художник В.М. Васнецов, поэт В.И. Иванов. В IV разряд входили художник И.Э. Грабарь, композитор, дирижер А.Д. Кастальский, композитор Г.Э. Конюс (по квалификации «история искусства»), театральный режиссер В.Э. Мейерхольд, балерина Е.В. Гельцер, актер А.И. Южин (Сумбатов), В.И. Немирович-Данченко, композитор А.Т. Гречанинов, дирижер М.М. Ипполитов-Иванов, художник К.А. Коровин, скульптор С.Т. Коненков, архитектор И.В. Жолтовский, поэты В.Я. Брюсов и Е.А. Придворов (Демьян Бедный) [10, с. 5; 11, с. 4]. Причины этого, на наш взгляд, заключались в не вполне равномерном распределении квот между двумя крупными культурно-научными центрами при сосредоточении в Петрограде (Ленинграде) большого числа научных работников (там находились академические учреждения) [12]. Квоты были ограничены и в провинции. В Крыму, например, IV разряд местная КУБУ присвоила четырем деятелям искусства: писателям М.А. Волошину и С.Н. Сергееву-Ценскому; художникам К.Ф. Богаевскому и Н.С. Самокишу [13, л. 30].

V и IV разряды оказались обособлены от первых трех. Ситуация усугубилась в 1923 г. в связи с постановлением о снятии с академического обеспечения отдельных представителей первых трех разрядов, в бюджете которых оно «играло незначительную роль» и о перераспределении освобожденных средств в пользу молодых ученых [2, с. 354]. Это перераспределение не затронуло IV и V разряды, квоты которых не были урезаны. Более того, со следующего (1924) года получать обеспечение продолжали только по этим разрядам, для остальных оно и вовсе было отменено [2, с. 359].

При этом в III разряде в Москве оказались, например, актеры В.И. Качалов, И.М. Москвин, М.П. Лилина (Алексеева, супруга К.С. Станиславского); график Ф.А. Малявин, художники П.П. Кончаловский и И.И. Машков; композитор А.Б. Гольденвейзер; поэт С.А. Есенин; литературный критик П.С. Коган (как и Л.Л. Сабанеев, он являлся членом Экспертной комиссии ЦЕКУБУ от Академии художественных наук) и др. [10, с. 5; 11, с. 4].

Именно на этот период выпадают многочисленные ходатайства деятелей науки и искусства о переводе из III в IV разряд. В основе их лежали не личные амбиции: в указанное время от категории зависело многое, порой даже жизнь близких людей. Так, в 1925 г. в Ленинградскую КУБУ поступило ходатайство о переводе художника П.Н. Филонова из

III в IV разряд за подписями директора Русского музея П.Н. Сычева, профессора М.В. Фармаковского, художников П.С. Наумова и С.К. Исакова. Кроме прочего, в ходатайстве отмечалось, что живопись П.Н. Филонова — «незаурядное явление в современном искусстве», а сам художник настолько не ищет извлечения выгоды, что не только «не продает своих произведений, но даже отказывается репродуцировать их в печати». Однако на это прошение поступил отказ [9, л. 8, 24]. Отказано было и в ходатайстве, подписанном директором Русского музея П.Н. Сычевым и председателем Академии истории материальной культуры академиком Н.Я. Марром, о переводе в IV разряд академика архитектуры и профессора Академии художеств М.Т. Преображенского — «старейшего русского ученого архитектора» [9, л. 16]. Не были поддержаны и ходатайства о повышении разряда до IV для В.Е. Татлина и даже до III для К.С. Малевича [9, л. 38]. Встречались, правда, и положительные решения: например, было утверждено ходатайство о повышении разряда до IV для А.А. Ахматовой, поданное за отзывами Ф.И. Сологуба и Л.Е. Горбачева [9, лл. 73, 90, 226].

Отмена обеспечения ударила по многим: лишенным была предоставлена взамен возможность получения разового единовременного пособия. По подсчетам Н.С. Зелова, только в марте 1926 г. комиссия рассмотрела 81 заявление, причем просьбы 71 лица были удовлетворены. Пособия в размере от 20 до 200 руб. получили художник В.К. Бялыницкий-Бируля, писательница Л.А. Чурилова-Воронова (Чарская), артист В.С. Шаронов и др. Их заявления об оказании материальной помощи своими отзывами и характеристиками поддержали И.Э. Грабарь, В.Л. Комаров, Г.М. Кржижановский, И.П. Павлов, С.Ф. Платонов, Н.А. Семашко, Ю.М. Шокальский и другие общественные деятели, ученые, мастера искусств [1]. Таким образом, хотя конкуренция и способствовала расслоению интеллигенции, вела к потере корпоративного духа, сама система ранжирования предполагала воспроизводство существовавших корпоративных связей — действовала система поручительства ученых друг за друга².

Кто же был включен в высшие разряды? Коррелировала ли лояльность власти работника культуры с его включением в систему социально-экономических привилегий? Нам представляется — нет. При распределении творческой интеллигенции по разрядам местными комиссиями по улучшению быта ученых, как и при дальнейшем их утверждении в Москве, не учитывались ни «правильное» социальное происхождение, ни членство в партии, ни даже лояльность новой власти, о чем свидетельствуют факты биографий включенных в IV и V разряды. Приведем лишь отдельные примеры: «историк

² См. сходный сюжет: [14].

искусства» Э.К. Липгарт до революции был художником и декоратором, работавшим по заказам императорской и великокняжеских фамилий; оперный певец Ф.И. Шаляпин, включенный в списки ЦЕКУБУ, одновременно пребывал на затяжных гастролях в США, вызывая подозрения и негативное отношение в Советской России; через несколько лет эмигрировал автор цитируемых воспоминаний Л.Л. Сабанеев; не встретило препятствий ходатайство Анны Ахматовой — бывшей жены расстрелянного по обвинению в участии в «Таганцевском заговоре» Н.С. Гумилева. Вопрос об исключении из состава ЦЕКУБУ «идеологически чуждых» работников с опозданием был поставлен лишь в 1930 г. [15, с. 58, 60].

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ДЕКОРАЦИЯХ «СТАРОГО МИРА»: УЧРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЦЕКУБУ

Другим любопытным сюжетом, иллюстрирующим специфику соприкосновения власти и ЦЕКУБУ, является пример вживания творческой интеллигенции в деформированные, но сохранившиеся декорации «старого мира». В этом качестве неожиданно предстали учреждения социальной заботы ЦЕКУБУ: дома для престарелых ученых Петрограда (Ленинграда) и Москвы и санаторий «Узкое».

Идея организации специальных учреждений медико-социального обслуживания отдельных групп населения, нуждающихся в государственном попечительстве, приобрела популярность в условиях первых постреволюционных лет. Дома для престарелых ученых при ЦЕКУБУ появились в Петрограде и Москве практически одновременно. В Петрограде интернат для престарелых ученых был открыт в 1922 г. в доме № 10 на ул. Халтурина (Миллионной), под одной крышей с другими учреждениями ЦЕКУБУ [16, л. 10]. Дом престарелых ученых в Москве изначально находился в ведении Наркомздрава и действовал в статусе «здравницы». Ему было отведено отдельно стоящее здание — дом № 5 в 3-м Неопалимовском переулке [16, л. 10]. В 1923 г., по резолюции наркомздрава Н.А. Семашко, здравница была передана в систему ЦЕКУБУ, получив название «Инвалидный дом для ученых» [17, л. 7].

В числе жителей Дома престарелых ученых в Ленинграде оказались и деятели культуры, а также их родственники. Так, в 1923 г. пристанище в Доме обрели литератор Л.И. Андрусон, вдова пи-

сателя Н.М. Гаршина (Золотилова), писательница Е.П. Султанова (Леткова), литератор А.И. Фаресов; в 1928 — академик живописи Н.А. Бруни, писательница и педагог Е.Н. Щепкина [18, л. 20], «библиотечный работник» В.С. Врасская-Котляревская (известная позднее как монахиня Вероника) [18, л. 20].

В здравнице Москвы в 1923 г. проживали вдовы профессоров — прототип главной героини романа «Что делать» М.А. Сеченова-Бокова и вдова профессора кафедры физики и физической географии Казанского университета, пианистка и певица М.В. Колли (поступили в 1920 г.); переводчица, вдова литературоведа и лингвиста И.Л. Овсяннико-Куликовская (1922); писательница, вдова офтальмолога Л.Ф. Маклакова-Нелидова (1921); дочь профессора и переводчица В.М. Спасская (1922), тетья художника В. Серова, педагог А.С. Симанович (1922), внучатый племянник Ф.М. Достоевского М.Ф. Достоевский (которому на момент поступления исполнился всего 41 год). В 1924 г. в Дом поступила писательница, вдова приват-доцента Н.И. Манасейна [19, л. 5–6 об.].

При распределении мест доходило и до откровенно комических случаев: так, в Московский ДПУ в 1929 г. зачислили внука А.С. Пушкина Григория Александровича Пушкина с сыном — юноша в 1929 г. заканчивал школу в Лопасне Московской губернии Серпуховского уезда и хотел продолжить обучение в Москве [18, л. 32].

Как видно, состав пенсионеров был почти полностью женским: в основном вдовы, оставшиеся после смерти своих мужей без вспомоществования и экономического обеспечения. Многие из них принадлежали до революции к миру изящных искусств, имели возможность заниматься литературой, переводами, музыкой при заботящихся об их благополучии мужьях-ученых. Благодаря именам супругов многие из них и попадали в ДПУ. Однако вдовы были не просто свидетельницами жизни своих «ученых мужей», оставшимися без попечительства и средств к существованию, но и самодостаточными, яркими, колоритными личностями — многоцветными «осколками» прошлого, ушедшего времени.

Порой Дом престарелых ученых принимал под крышу родственников знаменитых писателей или революционеров, имевших отдаленное отношение к науке: их иждивение было данью памяти выдающимся родственникам.

Конечно, совместное проживание взрослых, ярких и разнохарактерных людей нередко сопровождалось конфликтами разной степени остроты. Так, И.А. Бродский в воспоминаниях о К.И. Чуковском, который привел его однажды в Дом престарелых ученых на ул. Халтурина в Ленинграде, писал, что «у каждой старухи свой нор. Живут они рядом в отдельных комнатах, дружат и ревниво спорят-

ся чаще всего из-за своих друзей. Если Анна Ивановна [Менделеева] дружит с Ильей Яковлевичем Гинцбургом, можете не сомневаться, что о Гинцбурге Екатерина Павловна [Султанова-Леткова] даже и слышать не захочет. Она просто скажет, что “не знает такого скульптора и не хочет знать”, хотя еще в восьмидесятых годах Гинцбург сделал ее статуэтку. Но зато Анна Ивановна, узнав, что художник Альфред Рудольфович Эберлинг хочет написать портрет Екатерины Павловны, щепетильно скажет: “Боже, да кто же это, откуда вы выкопали его?” — хотя вместе с Эберлингом она когда-то училась в классах Академии художеств... Да, этим старухам есть что вспомнить» [20]. Несмотря на то, что далеко не все конфликты выдерживали столь изящную тональность, К.И. Чуковский был прав: Дом престарелых ученых благодаря этим «артистическим дамам» оставался в какой-то степени «островком» старого, хотя и деформированного, сходного с изображенным Ольгой Форш мира.

Еще одним подобным «островком», по воспоминаниям современников, был широко известный санаторий «Узкое». Переданная в систему ЦЕКУБУ в 1922 г. старинная усадьба князей Трубецких стала местом отдыха ученых и работников культуры IV и V категории (первым трем попасть туда было затруднительно, во всяком случае, в летние месяцы). Как писал в своих воспоминаниях Л.Л. Сабанев, «в качестве художественного деятеля “четвертой категории” я и попал на отдых в “Узкое” <...> “Узкое” встретило нас чрезвычайно приветливо. Надо заметить, что вообще эти учреждения ЦЕКУБУ были каким-то оазисом старого мира или, по крайней мере, напоминанием о старом мире. Даже возглавлявший ЦЕКУБУ коммунист Халатов (по социальному положению — неокончивший студент) был чрезвычайно симпатичным существом, мягким и деликатным. Что касается до самого “Узкого”, то это был настоящий “кусочек старого мира”. <...> Встретившие нашу группу отдохнувших заведующие домом — чета Константинович — уже совсем перенесли нас в прошлую Россию: он — бывший губернатор, она — внучка Пушкина. Стало совсем уютно» [7]. Атмосфера санатория, по воспоминаниям критикующих его в конце 1920-х гг. очевидцев, действительно была похожа на декорацию «старого мира»: «В доме отдыха не знали о первомайских торжествах, как и о многом, происходившем в стране. Между тем о пасхальном вечере не забыли, отпраздновали его как следует. До последнего года в доме отдыха существовала церковь, и некоторые отдыхающие ходили туда молиться. До последнего времени в доме отдыха существовали чаевые» [15, с. 61]. О музыкальных вечерах, игре в бильярд в «Сонюзии», обширном таблоиде вспоминали многие

из отдыхающих: сохранился шуточный рассказ историка Н.И. Кареева, описывающий быт старой усадьбы Трубецких [21].

Все это позволялось в том числе «в обмен» на некоторые реверансы в сторону новой власти: свои, особые, покои были на втором этаже у сестры Я. Свердлова С.М. Авербах; на особом положении жили в «Узком» и своего рода «реликвии Революции», находившиеся под покровительством В.И. Ленина В.Н. Фигнер и «шлиссельбуржец» Н.А. Морозов. По воспоминаниям Л.Л. Сабанева, их «пребывание в санатории было своего рода “взяткой” — любезностью, имеющей целью запасть симпатиями власть имущих на предмет получения средств для санатории и вообще на ЦЕКУБУ, которое все время должно было бороться за свое существование» [7].

Таким образом, взаимоотношения власти и творческой интеллигенции в первое постреволюционное десятилетие нельзя однозначно рассматривать в ракурсе «победители-побежденные»: необходимость сотрудничества диктовала определенные компромиссы, на которые шли обе стороны. Примером подобных компромиссов служит деятельность ЦЕКУБУ: как отметила Ш. Фитцпатрик, до 1929 г. вмешательство партийных и советских органов в ее работу было минимальным [22]. Позиции ЦЕКУБУ не были слабыми: пользуясь системой клиент-патронских отношений с властью, ей удавалось сохранять «осколки» старого, уходящего уклада жизни, защищая и протектируя тех, кто в силу социального происхождения, политической позиции до 1917 г., дальнейшей жизненной стратегии не был близок новому политическому режиму.

Какой же механизм действовал? На наш взгляд, это была система корпоративных связей, сложившаяся еще до 1917 года. Она не могла быть разрушена скоро и реализовывалась через работу в экспертных комиссиях ЦЕКУБУ лиц, знакомых с принципами ее функционирования и расстановкой сил дореволюционного времени; через систему поручительства и патронажа; через утверждение списков и одобрение решений ЦЕКУБУ новой властью. В совокупности эти слагаемые и формировали специфику положения узкого круга интеллигенции и особенности их позиционирования себя по отношению к власти. Включение в этот круг деятелей науки и культуры определялось не политической позицией и лояльностью режиму, а личной известностью (научной репутацией) каждого в отдельности, позицией в системе корпоративных связей и, возможно, принадлежностью к определенным творческим объединениям и институциям творческой интеллигенции.

Список источников

1. «Любовь к архиву... была безгранична»: Документы ГАРФ об оказании материальной помощи дочери

- Н.В. Калачова. 1926 г. / вступ. ст., коммент., подгот. текста Н.С. Зелова // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 112–115.
2. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925) : сборник документов / [предисл. М.С. Бастраковой]. Ленинград : Наука : Ленингр. отделение, 1968. 419 с.
  3. Делопроизводственная документация Академии наук. 3 апреля 1918 – 27 сентября 1921 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 37.
  4. Списки работников искусств (художников) и профессоров московских высших государственных художественно-технических мастерских, получающих и не получающих академического пайка. 1920–1921 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 23. Д. 175.
  5. Постановления (копии) СНК о порядке обеспечения пособиями семей деятелей науки и искусства, о мерах по улучшению положения ученых, материалы к постановлениям, протоколы заседаний СНК и ЦЕКУБУ, докладная записка Наркомсобеса, письмо академиков Марра и Вернадского о положении ученых. 6 декабря 1921 – 10 июля 1922 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 532.
  6. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: цикл трагедий : в 2 т. Ленинград : Искусство : Ленингр. отделение, 1991. Т. 1. 303 с.
  7. Воспоминания о России / Л.Л. Сабанеев ; [предисл. Т. Масловской ; коммент. С.В. Грохотова]. Москва : Классика-XXI, 2004. 266 с.
  8. Краткий обзор организации ПетроКУБУ и ее деятельности за трехлетний период 12 января 1920 – 13 января 1923 г. Петроград : Б. и., 1923. 15 с.
  9. Постановления и переписка с местными бюро СЕР о квалификации научных работников, об установлении повышенных разрядов и оказании академического обеспечения. 1925 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5462. Оп. 17. Д. 157.
  10. Академическое обеспечение // Руль. (Берлин). 1923. 22 (9) февраля. № 679.
  11. Академическое обеспечение // Сегодня. (Рига). 1923. 25 февраля. № 44.
  12. Долгова Е.А. Профессиональные статусы и неравенство в научном сообществе 1920-х гг. // История сталинизма: Культура и власть в СССР. 1920-е – 1950-е гг. : материалы IX Международной науч. конф. (24–26 октября 2017 г., Санкт-Петербург). Москва : РОССПЕН, 2017. С. 438–448.
  13. Протоколы заседаний экспертной комиссии при Центральной комиссии улучшения быта ученых и Центрального бюро Секции научных работников. Списки ученых по установлению научных разрядов // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5462. Оп. 18. Д. 185.
  14. Уокер Б. Кружковая культура и становление советской интеллигенции: на примере Максимилиана Волошина и Максима Горького [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/40/yoker.html> (дата обращения: 10.01.2018).
  15. Эстрин Я.М. За коренную реорганизацию ЦЕКУБУ // Научный работник. 1930. № 3. С. 56–63.
  16. Сметы и объяснительная записка к сметам доходов и расходов ЦЕКУБУ и ее учреждений – Дома ученых, общежития для престарелых ученых и шести санаториев на 1924–1925 гг. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 132.
  17. Переписка с домом для престарелых ученых при ЦЕКУБУ об устройстве научных работников, народных учителей и членов семей заслуженных ученых, о введении штатности за пребывание в Дом престарелых ученых, о медицинском обслуживании престарелых ученых и по другим вопросам. 18 октября 1926 – 17 октября 1927 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 215.
  18. Переписка с Ленинградской секцией научных работников и областным отделом профессионального союза работников просвещения по заявлениям научных работников о зачислении в дома престарелых ученых в Москве и Ленинграде. 18 октября 1928 – 12 апреля 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 269.
  19. Переписка с финансовым комитетом Совнаркома СССР, счетно-бюджетным управлением Народного комиссариата финансов СССР (Наркомфина), комиссиями по улучшению быта ученых врачей и другими учреждениями о выдаче денежного академического обеспечения научным сотрудникам. 5 января – 27 декабря 1923 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 81.
  20. Бродский И.А. Дядя Облей [Электронный ресурс] // Воспоминания о К.И. Чуковском. URL: <https://proflib.com/chtenie/85987/kollektiv-avtorov-vospominaniya-o-kornee-chukovskom-5.php> (дата обращения: 10.01.2018).
  21. Кареев Н.И. «Копия с найденного в читальне, а потом куда-то исчезнувшего листа старинной рукописи. Орфография копии современная»: шуточный рассказ [26 июня 1928 г.] // Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. : исследования и материалы / авт.-сост. Е.А. Долгова. Москва : РОССПЕН, 2015. С. 423–425.
  22. Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, London : Cornell University Press, 1992. 264 p.

The Government, the Central Commission for Improving the Life of Scientists, and the Creative Intelligentsia in the Socio-Economic Circumstances of the 1920s: Positions, Statuses, Decorations

Evgenia A. Dolgova

Russian State University for the Humanities, 6,
Building 3, Miuskaya Sq., Moscow, 125047, Russia
E-mail: dolgova-evg@rambler.ru

Abstract. *The article studies the problem of interrelation between the government and the creative intelligentsia in the 1920s. It analyzes the documentation of the Central Commission for Improving the Life of Scientists (TSEKUBU) concerning the division of artistic intellectuals into categories, the issuance of rations and benefits, the materials on social and welfare institutions — the Homes for Elderly Scientists of Moscow and Leningrad (Petrograd), the sanatorium “Uzkoe”. The task is set and solved to investigate the examples of interaction (instead of conflict) of the government and intelligentsia, the features of their mutual positioning. The author concludes that the relationship between the authorities and the creative intelligentsia of the first post-revolutionary decade cannot be clearly defined as “winners-losers”: the need for cooperation dictated certain compromises that were made by both sides. The work of the Central Commission for Improving the Life of Scientists serves as an example of such a compromise, the intervention of the party and Soviet authorities in it was minimal before 1929. It is noted that the TSEKUBU’s positions were not weak: using the system of client-patron relations with the government, it managed to preserve the “fragments” of the old, outgoing way of life, protecting and supporting those who, due to their social origin, political position until 1917 and further life strategy, were not close to the new political regime. The author identifies the reasons for this in the preservation and operation of the system of corporate relations, established before 1917. This system could not be destroyed in a short time and was implemented through the work in the TSEKUBU’s expert commissions of the persons who had been familiar, since pre-revolutionary time, with the principles of its operation and the balance of power; through a system of sureties and patronage; through the approval of the TSEKUBU’s lists and decisions by the new government. It formed the specifics of the position of a narrow circle of intellectuals and the features of its positioning in relation to the government. Inclusion in this circle was determined not by the political position*

and loyalty to the regime, but by the personal fame (scientific reputation) of representatives of the creative intelligentsia, their corporate ties and, possibly, their belonging to certain creative associations and institutions.

Key words: artistic intelligentsia, creative workers, government, Central Commission for Improving the Life of Scientists, patron-client relations, corporation, social status, privileges, rations, ranks, Moscow, Petrograd.

Citation: Dolgova E.A. The Government, the Central Commission for Improving the Life of Scientists, and the Creative Intelligentsia in the Socio-Economic Circumstances of the 1920s: Positions, Statuses, Decorations, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 119–127. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-1-119-127.

Acknowledgements

This article is written with the support of the Russian Science Foundation, project No. 17-78-10202

References

1. Zelov N.S. (ed.) “The Love for the Archive... Was Boundless”: The Documents of the State Archive of the Russian Federation on the Provision of Material Support to the Daughter of N.V. Kalachov. 1926, *Otechestvennye arkhivy* [Russian Archives], 2004, no. 4, pp. 112–115 (in Russ.).
2. *Organizatsiya nauki v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1925): sbornik dokumentov* [The Organization of Science in the Early Years of the Soviet Government (1917–1925): Collected Documents]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, 419 p.
3. Office Documentation of the Academy of Sciences. April 3, 1918 – September 27, 1921, *Tsentral’nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)* [Central State Archives of St. Petersburg], coll. R-2555, aids 1, fol. 37 (in Russ.).
4. Lists of Art Workers (Artists) and Professors of Moscow Higher State Art and Technical Workshops, Receiving and Not Receiving the Academic Rations. 1920–1921, *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. A 2306, aids 23, fol. 175 (in Russ.).
5. Resolutions (Copies) of the Council of People’s Commissars on Ensuring Benefits of Families of Workers of Science and Art, on Measures for Improving the Life of Scientists; the Materials for the Resolutions; the Minutes of the Meetings of the Council of People’s Commissars and the Central Commission for Improving the Life of Scientists, the Memorandum of the People’s Commissariat of Social Welfare, the Letter by Academicians Marr and Vernadsky on the Status of Scientists. December 6, 1921 – July 10, 1922, *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. A-2306, aids 1, fol. 532 (in Russ.).

6. Annenkov Yu.P. *Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragedii: v 2 t.* [The Diary of my Meetings: A Cycle of Tragedies: in 2 volumes]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1991, vol. 1, 303 p.
7. Sabaneev L.L. *Vospominaniya o Rossii* [Memories of Russia]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2004, 266 p.
8. *Kratkii obzor organizatsii PetroKUBU i ee deyatelnosti za trekhletnii period 12 yanvarya 1920 – 13 yanvarya 1923 g.* [Brief Overview of the PetroKUBU Organization and its Activities over a Three-Year Period, January 12, 1920 – January 13, 1923]. Petrograd, 1923, 15 p.
9. Resolutions and Correspondence with the Local SER Bureaus on the Qualification of Scientific Workers, on the Establishment of Elevated Ranks and the Provision of Academic Support. 1925, *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. R 5462, aids 17, fol. 157 (in Russ.).
10. Academic Support, *Rul'* [Rudder]. Berlin, 1923, 22 (9) February, no. 679 (in Russ.).
11. Academic Support, *Segodnya* [Today]. Riga, 1923, 25 February, no. 44 (in Russ.).
12. Dolgova E.A. Professional Statuses and Inequality in the Scientific Community of the 1920s, *Istoriya stalinizma: Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920-e – 1950-e gg.: materialy IX Mezhdunarodnoi nauch. konf. (24–26 oktyabrya 2017 g., Sankt-Peterburg)* [Proceedings of the 9th Int. Sci. Conf. “The History of Stalinism: Culture and Power in the USSR. 1920s – 1950s” (St. Petersburg, October 24–26, 2017)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, pp. 438–448 (in Russ.).
13. The Minutes of Meetings of the Expert Commission at the Central Commission for Improving the Life of Scientists and the Central Bureau of the Section of Scientific Workers. The Lists of Scientists for the Establishment of Scientific Ranks, *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. R 5462, aids 18, fol. 185 (in Russ.).
14. Walker B. *Kruzhkovaya kul'tura i stanovlenie sovetskoi intelligentsii: na primere Maksimiliana Voloshina i Maksima Gor'kogo* [The Circle Culture and the Formation of the Soviet Intelligentsia: By the Example of Maximilian Voloshin and Maxim Gorky]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/40/yoker.html> (accessed 10.01.2018).
15. Estrin Ya.M. For a Radical Reorganization of the Central Commission for Improving the Life of Scientists, *Nauchnyi rabotnik* [Scientific Worker], 1930, no. 3, pp. 56–63 (in Russ.).
16. The Estimates and the Explanatory Memorandum of the Estimates of the Income and Expenditure of the Central Commission for Improving the Life of Scientists and its Agencies – The House of Scientists, the Home for Elderly Scientists and Six Sanatoria for 1924–1925, *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. R 4737, aids 1, fol. 132 (in Russ.).
17. Correspondence with the Home for Elderly Scientists at the Central Commission for Improving the Life of Scientists on the Organization of Scientific Workers, People's Teachers and Family Members of Honored Scientists, on the Introduction of Staffing for Staying in the Home for Elderly Scientists, on the Health Care for Elderly Scientists, and on Other Issues. October 18, 1926 – October 17, 1927, *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. R 4737, aids 1, fol. 215 (in Russ.).
18. Correspondence with the Leningrad Section of Scientific Workers and the Regional Department of the Labor Union of Educators on the Applications of Scientific Workers for Admission to the Homes for Elderly Scientists in Moscow and Leningrad. October 18, 1928 – April 12, 1929, *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. R 4737, aids 1, fol. 269 (in Russ.).
19. Correspondence with the Financial Committee of the Council of People's Commissars of the USSR, with the Audit and Budget Office of the People's Commissariat of Finance of the USSR, with the Commissions on Improving the Life of Scientists, Doctors, and with Other Institutions on the Issue of Financial Academic Support to Scientific Workers. January 5 – December 27, 1923, *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. R4737, aids 1, fol. 81 (in Russ.).
20. Brodsky I.A. Dyadya Oblei [Uncle Oblei], *Vospominaniya o K.I. Chukovskom* [Memories of K.I. Chukovsky]. Available at: <https://profilib.com/chtenie/85987/kollektiv-avtorov-vospominaniya-o-kornee-chukovskom-5.php> (accessed 10.01.2018).
21. Kareev N.I. “A Copy of a Page of the Ancient Manuscript That Was Found in the Reading Room and then Disappeared Somewhere. The Copy's Spelling Is Modern”: comic story, *Uchenyi v epokhu peremen: N.I. Kareev v 1914–1931 gg.: issledovaniya i materialy* [Scientist in the Era of Change: N.I. Kareev in 1914–1931: research and materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015, pp. 423–425 (in Russ.).
22. Fitzpatrick S. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, London, Cornell University Press Publ., 1992, 264 p.